

V. Lukashevich
M. Zubko
I. Kiselev
BSEU (Minsk)

FORMS OF REPRESENTATION PRAXIOLOGICAL COMPONENT IN WAYS OF EXTRA SCIENTIFIC INTELLECTUAL DEVELOPMENT OF REALITY

Genetic and structurally functional features of the forms of the representation praxiological component in traditional and modern ways of extra scientific intellectual development of reality were revealed. Their influence on the formation of actual demanded ways of behavior and activity of the certain person and social groups is shown.

Keywords: extra scientific intellectual development of reality; praxeological component; origin of praxeological component; forms of representation praxiological component; reality model.

В. К. Лукашевич
доктор философских наук, профессор
М. В. Зубко
кандидат философских наук, доцент
И. Е. Киселев
кандидат философских наук, доцент
БГЭУ (Минск)

ФОРМЫ ПРЕДСТАВЛЕННОСТИ ПРАКСЕОЛОГИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ В СПОСОБАХ ВНЕНАУЧНОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ОСВОЕНИЯ РЕАЛЬНОСТИ

Выявлены генетические и структурно-функциональные особенности форм представленности праксеологической составляющей в традиционных и современных способах вненаучного интеллектуального освоения реальности. Показано их влияние на формирование востребованных способов поведения и деятельности отдельного человека и социальных групп.

Ключевые слова: вненаучное интеллектуальное освоение реальности; праксеологическая составляющая; генезис праксеологической составляющей; формы представленности праксеологической составляющей; модель реальности.

Интеллектуальная культура любого социума наряду с элементами когнитивного и аксиологического характера включает праксеологические ориентации и схемы. Это обусловлено природой культуры в целом как основного механизма регуляции поведения и деятельности людей, обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни. Очевидно, наиболее наглядным подтверждением этого являются универсалии Новоевропейской культуры-цивилизации, задающие ориентации на познание и на этой основе преобразование окружающей человека природной реальности и социальных условий жизнедеятельности.

Уровень интеллектуальной культуры в ее праксеологическом измерении определяет диапазон параметров социального заказа на коррелирующие с потребностями общественно значимые результаты в конкретных сферах человеческой деятельности, а также их целевые и инструментальные характеристики. Механизм такой детерминации нередко имеет много опосредствующих звеньев, но это не может поставить под сомнение

ключевое значение уровня интеллектуальной культуры социума как фактора, определяющего его праксеологический облик.

Представление об интеллектуальной культуре достаточно четко коррелирует с ключевой характеристикой культуры в ее наиболее общем понимании — «система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях» [1]. Формирование и последующая реализация (функционирование в качестве регулятивной системы) такого рода программ базируется на механизмах умственной деятельности, ассимилирующей окружающую человека социоприродную реальность и самого человека прежде всего в плане осмысления его способностей познавать и направленно изменять действительность, а также развивать свои ментальные качества. Соответственно механизмы умственной деятельности, ее результаты (знания, проекты, прогнозы, оценки и др.) и средства их трансляции можно трактовать как ключевые элементы интеллектуальной культуры и связывать с ними понимание интеллектуальной культуры в целом и ее праксеологических аспектов в частности.

Ориентация на анализ ментальных способностей и качеств человека в связи с результатами его интеллектуальной деятельности явным образом коррелирует с представлением о рефлексии как сфере умственной деятельности человека, направленной на осмысление предпосылок, форм, путей, средств, методов его деятельности и качества полученного результата. Рефлексия является органической интеллектуальной составляющей любого вида человеческой деятельности, в связи с чем человека (ее субъекта) квалифицируют как «систему с рефлексией».

Цель данной статьи — выявление специфики форм представленности праксеологической составляющей в способах внеаучного интеллектуального освоения реальности.

Задачи исследования:

- выявить специфику форм представленности праксеологической составляющей в традиционных и современных способах внеаучного интеллектуального освоения реальности;
- определить особенности генезиса праксеологической составляющей внеаучного интеллектуального освоения реальности.

В любом случае праксеологическая составляющая интеллектуального освоения реальности представлена совокупностью способов, приемов, правил, методов, принципов и других форм нормативного знания, регламентирующего человеческие действия, ведущие к намеченному (требуемому определенной совокупностью обстоятельств) результату.

Формы внеаучного интеллектуального освоения реальности достаточно определенно различаются, во-первых, коррелятивно традиционными (мифология, религия, искусство, игровое и обыденное познание и др.) формами общественного сознания и видами познавательной деятельности; во-вторых, в зависимости от наличия (отсутствия) в социуме науки как особой (специализированной на культивировании когнитивных процессов) сферы человеческой деятельности. В этом плане длительный период человеческой истории, не отмеченный наличием и полноценным функционированием науки, мало похож на последующие времена, когда наука постепенно, но прочно сформировалась в своих основных аспектах: как система знания специфическая деятельность, социальный институт, производительная сила и форма общественного сознания.

С традиционными формами общественного сознания и внеаучными видами познавательной деятельности достаточно определенно коррелируют следующие формы представленности праксеологической составляющей интеллектуального освоения реальности: аллегории, художественные образы, пословицы, назидания, религиозные символы и т.п., в которых все основные понятия праксеологии (цель деятельности, связь между деятельностью и ее результатом, способы достижения цели деятельности, условия, при

которых цель может быть достигнута, факторы, которые могут способствовать или препятствовать ее достижению, и т.п.) обнаруживаются достаточно четко.

К традиционным формам вненаучного познания, в которых ярко представлена праксеологическая составляющая, следует в первую очередь отнести обыденное познание, которое существовало еще на самых ранних этапах человеческой истории. Обыденным называют познание, осуществляемое людьми в процессе их повседневной жизнедеятельности. Его результат — взгляды людей на окружающую действительность и на самих себя, стихийно складывающиеся под воздействием повседневного опыта, — обозначается термином «обыденное знание».

По содержанию обыденное знание представляет собой сложную, противоречивую, многослойную, теоретически необобщенную, эмоционально окрашенную совокупность знаний, представлений, эмоций, верований и т.п. В его структуре выделяются два уровня: практическое и духовно-практическое знание.

Практическое знание — это то знание, которое возникает и функционирует в контексте различных практик в ходе непосредственной вовлеченности человека в определенный процесс деятельности (при обработке земли, строительстве дома, уходе за ребенком, лечении больного, управлении механизмом, оперировании информацией и т.д.). Это знание представляет собой набор сведений, правил, рекомендаций по организации эффективной работы в ходе преобразования природы и социальной реальности. Чаще всего это неотрефлексированное знание, относящееся к различным видам профессиональной деятельности: рекомендации по цветоводству, кулинарии, народной медицине, ремесленные технологии и т.п. Многие области профессиональной деятельности (виноделие, кулинария, музыка и др.) предполагают профессиональную тренировку и личное общение, в результате чего формируются сенсорные и мыслительные навыки. Это знание закрепляется в системе нерелексивных норм и стандартов, а необходимым институтом формирования и передачи практического знания является ученичество.

Духовно-практическое знание является результатом накопления, обработки и распространения социального и познавательного опыта, данного вне непосредственно материального производства. Это ценностно-мировоззренческое, нормативное знание, которое устанавливает правила, дает рекомендации, как нужно относиться к миру, к другим людям, к самим себе. Оно выражается в притчах, ритуальных действиях, легендах, культовых изображениях. Основные функции духовно-практического знания — нормирование, целеполагание, построение идеалов деятельности, а критерием его приемлемости является согласованность с системой общественных отношений [2].

Структура обыденного знания исторически менялась, но его основу всегда составляет «здоровый смысл» (обыденное сознание нередко отождествляют со здоровым смыслом). Кроме того, в его содержании можно выделить обычаи, традиции, приметы, пословицы, назидания, суеверия, предрассудки, образы, стереотипы, рецепты и т.п. В каждой из этих форм праксеологическая составляющая присутствует в более или менее явном виде.

К традиционным формам выведенных из практического опыта знаний с явным праксеологическим контентом можно отнести рецепты в первоначальном значении этого слова: как «способ приготовления чего-либо, как руководство, совет, как действовать в том или ином случае» [3, с. 531]. В рецепте четко прослеживается связь между деятельностью и ее результатом, прописаны все составляющие эффективную деятельность элементы: цель деятельности, последовательность действий по ее достижению, средства и условия ее достижения. Рецепты описывают самые разнообразные виды человеческой деятельности (приготовление еды и напитков, уборку жилища, лечение, уход за телом и т.п.). Поэтому они являлись (и являются) одним из самых известных способов фиксации алгоритма деятельности, приводящей к положительным результатам, средством обмена значимой технологической информацией и передачи ее следующим поколениям.

В отличие от обыденного мифологического познание стремится к целостному видению мира. Мифологическое знание — это особый вид синкретического знания, в рамках которого человек, опираясь на совокупность эмпирических сведений, верований, различных форм образного освоения мира, стремится создать целостную картину мира [2]. В мифе переплетены зародышевые элементы религии, искусства, философии, науки.

Материальной формой выражения мифа изначально было действие (обряд, ритуал). Ритуал — выработанный обычай или установленный порядок совершения чего-либо; церемониал. Мифологический ритуал, мифологический обряд или мифологическая церемония — это тоже миф, но миф не рассказанный, а разыгранный, причем разыгранный коллективно. Все древние народы практиковали различные ритуалы на все случаи жизни: аграрные работы, охота, свадьба, рождение ребенка, строительство жилья и т.д.

В мифе отображаются и рутинные стороны практической деятельности людей, и человеческие идеалы, поскольку наряду с познавательными компонентами мифическая и ритуальная деятельность содержит в себе нерасчленимое единство этико-эстетических компонентов: «этические компоненты связаны здесь со стабильностью и воспроизводимостью поведенческих норм, а эстетические — с образным пересозданием ритуала и соответственно — моментом изменчивости, вторгающимся в единство образа и действия» [4, с. 48].

Древний человек не видел принципиальной разницы в значимости ритуальных действий и действий, приводивших к реальному результату. И даже после того, как в мифологическом сознании ритуальная и практическая деятельность отделяются друг от друга, первобытным сознанием они рассматриваются как равно необходимые.

Границы между этими двумя видами деятельности не были четкими и не могли быть осознаны. В случае успеха любая деталь поведения человеческого коллектива казалась значимой и результативной, и соответственно точное воспроизведение всех звеньев предшествующей деятельности воспринималось как необходимое условие достижения результата. Поэтому модель эффективной трудовой деятельности включала в себя как действия, приводившие к результату (реальную деятельность), так и действия, не только не приводившие к результату, но, по существу, требовавшие впустую растрачиваемых усилий (ритуальную деятельность). Но мыслящим мифологически человеком эти два вида деятельности воспринимаются как одинаково необходимые, а вся его деятельность предстает как нечто единое.

Мифологической была культура первобытного общества, но и современное обыденное сознание содержит ряд черт, роднящих его с мифологическим сознанием. Этот феномен получил название «ремифологизация». В качестве примера типичных современных мифов можно привести достаточно распространенное представление о бесполезности и даже вреде прививок от болезней: утверждается, что прививки крайне редко предотвращают болезнь, но при этом «убивают» иммунитет. На поверку мифом оказалось и представление о том, что персональные компьютеры повышают производительность труда служащих: с компьютеризацией их рабочих мест производительность труда служащих осталась практически неизменной, так как они стали тратить больше времени на оформление документов, их иллюстрацию и т.п.

Ремифологизация — одна из форм, в которой сегодня проявляет себя экспансия обыденного сознания. Основным условием становления этого явления называют потерю социальных идеалов, отсутствие «сильных» форм общественного сознания и сильных идей, способных обеспечить мировоззренческую целостность человеческого сознания [4]. Жизненно значимая потребность в целостном взгляде на мир и невозможность в силу целого ряда субъективных и объективных причин его достижения приводят к тому, что системообразующую роль в структуре общественного сознания начинает играть несистематизированное обыденное сознание.

Но если в древние времена мифологическое объяснение мира возникало как стремление преодолеть незнание, то в условиях, когда имеется возможность теоретического

достижения действительности, обращение к мифу оценивается как отказ человека от своих завоеваний, как способ погружения из знания в незнание. Кроме того, в отличие от архаического современный миф (это касается прежде всего социальных мифов) — это, как правило, не только иллюзия, но и обман, так как всегда находятся люди, откровенно заинтересованные в ремифологизации социума.

Одним из древнейших способов освоения действительности, непосредственно связанным с мифологией, является также религиозное познание, сущность которого состоит в объяснении мира на основе веры в реальное существование сверхъестественных сил.

Как только люди начали верить в существование сверхъестественных сил, способных влиять на человеческую жизнь, распоряжаться их судьбой, это непосредственным образом отразилось на их деятельности и поведении, что обнаруживается уже у носителей первых религиозных верований, к которым относятся анимизм, тотемизм, фетишизм, магия (анимизм, тотемизм, фетишизм, магию относят как к мифологическому, так и к религиозному познанию).

Наиболее полно праксеологическая составляющая прослеживается в магии, которая основана на вере в способность человека посредством определенных ритуалов, обрядов вступать в контакт со сверхъестественными силами и с их помощью воздействовать на природную и социальную среду. Человеку уже не нужно в своей деятельности полагаться исключительно на благосклонность богов, он способен сам достичь поставленной цели, если соответствующим образом организует свою деятельность.

Магия затрагивала практически все сферы жизни древних людей и оказывала на их деятельность систематизирующее, регулирующее, контролирующее и стимулирующее воздействие. В их сознании совершение магических обрядов и произнесение магических слов были совершенно необходимыми для успешной деятельности. Поэтому со временем образовалась своеобразная каста людей (сохранившаяся до настоящего времени), профессионально занимавшихся колдовством и проведением ритуалов.

Шаман, отбирая и изобретая правила общежития, картины мира и процедуры практической деятельности, формировал такие нормативно-регулятивные условия общественного развития, которые сами по себе «объективно» не могли бы появиться. Такие условия, опережающие наличные социальные потребности и обеспечивающие их свободным пространством и перспективой, не могли возникнуть стихийно в локальном родовом общежитии [5].

По результатам изучения жизни племени маилу (Новая Гвинея), аборигенов острова Тробриан (к востоку от Новой Гвинеи), Австралии методом включенного наблюдения известный английский этнограф и социолог Б. Малиновский сделал вывод, разделяемый другими современными исследователями, что сфера магии — это область повышенного риска: там, где господствуют случай и неопределенность, где не существует надежного алгоритма удачи, где велика возможность ошибиться, там на помощь человеку и приходит магия [6]. Тем самым магия понимается как процесс творчества, в котором результат всегда не задан и не известен гарантированный путь его достижения.

Магия не приводила к конкретному результату, но она давала конкретную программу действий в неопределенных условиях, когда любая деятельность казалась невозможной и бессмысленной, поэтому позитивное содержание магического знания представляется как социально-психологический проект деятельности в экстремальной ситуации, как эмоционально, рационально и социально оправданный план деятельности в условиях принципиальной неопределенности и смертельной угрозы.

Магическое мышление, развиваясь, переросло в религиозную идеологию. Нужно было наделить магической силой уже не вещи окружающего мира, а особые существа, способные влиять на людей магическим образом, чтобы перед нами возникла вполне законченная религия — вера в сверхъестественные существа, распоряжающиеся человеческой судьбой [4].

Теология изгнала магию из сферы разумного миропорядка в демоническую область. Религия же и сегодня является мировоззрением огромного количества людей. В любой из религий вопросам труда, успеха, заработка, карьеры уделяется большое внимание, но в каждой из них эти вопросы решаются по-разному.

Традиционные формы познания создают определенную базу для развития современных форм вненаучного интеллектуального освоения реальности, среди которых в первую очередь следует выделить квазинауку, креативные индустрии, псевдорелигиозные направления. Эти формы имеют важное значение и с праксеологической точки зрения. Их отличает синкретический характер, где тесно переплетаются различные виды деятельности, результаты культурно-прикладных достижений (реклама, дизайн, маркетинг и т.д.). Все это в совокупности должно влиять и влияет на сознание и подсознание человека.

Порой подобные формы освоения реальности опережают направления научного осмысления и анализа в силу особенностей механизмов появления и распространения. Именно эти формы в наибольшей степени несут в себе праксеологическую составляющую, которая носит сложный, неоднозначный характер.

Рассматривая более конкретно квазинауку, следует выделить ее основные черты:

- преобладание негативного содержания над позитивным. В ряде научных направлений биологии и генетики эта тенденция сохранялась достаточно долго. Например, противопоставление мичуринской и менделеевско-моргановской генетики, что нанесло невосполнимый урон советской генетике, и это ощущается до сих пор. Великие ученые Н. Вавилов, Г. Тимофеев-Ресовский, ученые с мировым именем, были насильственно отлучены от науки. Особенно трагична судьба Н. Вавилова, который умер в 1942 г. от голода в тюрьме;

- наличие лидера квазинаучного направления. Достаточно вспомнить роль так называемого народного академика Т. Лысенко с его проектами в области сельского хозяйства и личное участие в трагической судьбе Н. Вавилова. Подобные ученые были не только в биологической науке;

- квазинаука стабильна, апробирована, окружена тщательно разработанными системами аргументов, защищающими ее от возможной критики со стороны настоящей науки;

- в определенной степени квазинаука имеет даже тенденцию к развитию, в том плане, что невозможность нововведений в позитивной части можно компенсировать постоянным развитием негативной, поскольку мировая наука продолжает развиваться, тем самым поставляя все новые материалы для отрицания. Другими словами, квазинаука паразитирует на теле настоящей науки и возникает своеобразный отрицательный симбиоз, где квазинаука существует за счет возможности отрицать новые достижения настоящей науки. Квазинауки возникают, как правило, в тоталитарных обществах, где существует вертикальная система управления, четкая иерархия в среде ученых, постоянная погоня за научными степенями и званиями. Все это в совокупности не способствует формированию подлинного духа научного поиска в научной среде.

Важной формой интеллектуального освоения реальности с развитой праксеологической составляющей становятся креативные индустрии, которые начинают играть весомую роль в развитии экономики. Понятие «креативные индустрии» начало набирать популярность в конце XX в. Впервые этот концепт появился в политической среде в 1990-е гг. по инициативе лейбористов Великобритании. Это была попытка простимулировать замедлившийся рост экономики.

Сегодня креативные индустрии — глобальное понятие, которое включает в себя индустрию культуры и широкий пласт творческих сфер деятельности, которым на самом деле сложно дать определение. Исследования, проводимые в русле этой концепции, носили преимущественно прикладной характер и оставались на эмпирическом уровне. Авторы, работающие в этом направлении, развивали свои концепции в контексте социологии, экономики и культурологии, не выходя на уровень социально-философского анализа.

В настоящее время эта концепция находится в состоянии становления и дальнейшей разработки. Например, белорусский исследователь И.Я. Мацевич в русле этой концепции выделяет следующие элементы: креативные производители, креативные продукты, креативные технологии, креативная среда [7].

Западные авторы, работающие в этой теме, используют следующие понятия: креативная экономика (Дж. Хоукинс), креативный класс (Р. Флорида), креативный город (Ч. Лэндри), география креативности (Р. Флорида). Эти понятия связывают с концептом «информационное общество», «общество знаний», где информация и информационные технологии занимают центральное место в современном мире и в экономике.

Очевидно, что креативные индустрии, несмотря на зыбкость трактовок, будут развиваться. Большой потенциал в этом плане у сферы туризма, а также инновационного производства и выпуска новых моделей потребительских товаров. Чаще всего к креативным индустриям относятся такие сферы, как мода, дизайн, гастрономия, реклама, цифровые платформы. Креативную индустрию можно определить как сферу активного взаимодействия науки, искусства, промышленности и бизнеса [7]. В различных странах доля креативных индустрий в процентном отношении различается. Так, правительство Китая оценивает долю креативных индустрий в своей экономике всего лишь в 2 %, а в США и Бразилии она составляет по 10 % [8].

Задачами для российской и белорусской креативной индустрии в изменившихся геополитических и экономических условиях является переориентация на внутреннее производство и потребление, а также евразийскую интеграцию. В этом плане необходимо совершенствовать законодательство, снятие пока существующих отдельных барьеров в экономической сфере между странами евразийской интеграции, реальной платформой которых является Евразийский экономический союз. Но без идеологии, т.е. смыслового и коммуникационного обеспечения процессов евразийской интеграции, этот процесс будет весьма затруднительным.

Маркетингу, брендингу, дизайну и рекламе придется заново учиться политическому и социальному мышлению. В новых условиях к чисто коммерческим неизбежно прибавляются политические и идеологические функции, которыми, пусть и в скрытом виде, пользуются в так называемом первом мире.

Рефлексивное осмысление описанных форм праксеологии дает основание утверждать, что ключевым элементом интеллектуального освоения реальности является ее модель [9], символически репрезентирующая осваиваемую реальность и фундирующая праксеологические схемы манипуляции с ее элементами за счет осмысления их возможных, допустимых и необходимых (в русле практических целей) отношений и связей. Степень общности такого рода моделей коррелирует со спецификой конкретных видов внеучного познания: мифологическое и религиозное познание предполагает наличие стабильных моделей высокой степени общности, игровое и практическое освоение реальности сопряжено с наличием более динамичных и локальных моделей осваиваемой реальности. Ситуации, в которых трудно зафиксировать наличие модели, выраженной в явном виде, дающем возможность транслировать ее содержание по обезличенным информационным каналам, характерны или ее неосознанным (бессознательным) существованием, или неприятием (незавершенностью) целостной обобщающей модели в течение определенного («переходного») периода существования социума, но ее фрагменты тем или иным практическим способом напоминают о своем существовании, находясь на периферии сознания или в сфере бессознательного.

Механизм генезиса форм представленности праксеологической составляющей в русле традиционных способов внеучного интеллектуального освоения реальности, основой которого является ее модельная репрезентация, ассимилирует действие ряда факторов индивидуальной и социальной психологии, процессов персеверации (повторения полезных действий), поиска новых вариантов полезных действий путем проб и ошибок, использования накопленного опыта полезных действий и базирующегося на них здравом-

го смысла, исторической памяти. В русле современных способов венаучного интеллектуального освоения реальности существенное значение приобретает наука как особая (специализированная на культивировании когнитивных процессов) сфера человеческой деятельности. Возникают новые формы представленности праксеологической составляющей, явно или неявно использующие научный инструментарий (саентология, квазинаука и др.), а также интегрированные формы, объединяющие праксеологический потенциал религии, искусства, практического опыта и науки (креативная индустрия).

В настоящее время особую актуальность приобретает формирование системно организованного понятийно-терминологического аппарата, способного адекватно воспроизводить специфику генезиса форм и механизмов действия праксеологической составляющей венаучных способов интеллектуального освоения реальности. Они достаточно активно воспроизводятся в сфере общественного сознания, коммуникации и управления, поскольку являются элементами проектов деятельности и поведения в экстремальных и переходных ситуациях, фундирующими (дополняющими) план деятельности как эмоционально, рационально и социально оправданный. Порой эти формы в функциональном плане скандально опережают направления научного анализа их появления и распространения. Фундаментальные теоретические ориентации в этой работе задают направления неклассической логики, предметно-проблемное поле которой все более активно ассимилирует праксеологические аспекты.

Л и т е р а т у р а

1. *Степин, В. С.* Культура / В. С. Степин // Новая философская энциклопедия : в 4 т. — М. : Мысль, 2010. — Т. 2. — 634 с.
Stepin, V. S. Culture / V. S. Stepin // New philosophical encyclopedia : in 4 vol. — М. : Thought, 2010. — Vol. 2. — 634 p.
2. *Штанько, В. И.* Философия и методология науки : учеб. пособие / В. И. Штанько. — Харьков : ХНУРЭ, 2002. — 292 с.
Shtan'ko, V. I. Philosophy and methodology of science : textbook / V. I. Shtan'ko. — Kharkiv : KNURE, 2002. — 292 p.
3. Современный словарь иностранных слов. — М. : Рус. яз., 1999. — 742 с.
4. *Автономова, Н. С.* Миф: хаос и логос / Н. С. Автономова // Зablуждающийся разум? Многообразие ненаучного знания. — М. : Изд-во полит. лит., 1990. — С. 30—57.
Avtonomova, N. S. Myth: chaos and logos / N. S. Avtonomova // Deluded mind? The diversity of non-scientific knowledge. — М. : Publ. house of polit. lit., 1990. — P. 30—57.
5. *Касавин, И. Т.* Магия: ее мнимые открытия и подлинные тайны / И. Т. Касавин // Зablуждающийся разум? Многообразие ненаучного знания. — М. : Изд-во полит. лит., 1990. — С. 58—81.
Kasavin, I. T. Magic: her imaginary open and genuine secrets / I. T. Kasavin // Deluded mind? The diversity of non-scientific knowledge. — М. : Publ. house of polit. lit., 1990. — P. 58—81.
6. *Малиновский, Б.* Избранное. Аргonautы западной части Тихого океана : пер. с англ. / Б. Малиновский. — М. : Рос. полит. энцикл., 2004. — 552 с.
Malinowski, B. Favorites. Argonauts of the Western Pacific ocean : transl. from engl. / B. Malinowski. — М. : Russ. polit. encycl., 2004. — 552 p.
7. *Мацевич, И. Я.* Формирование и развитие концепции креативной индустрии в современной социальной истории / И. Я. Мацевич // Социология. — 2012. — № 3.
Matsevich, I. J. Formation and development of the concept of creative industries in modern social history / I. Y. Matsevich // Sociology. — 2012. — № 3.
8. Креативные технологии [Электронный ресурс] // Высшая школа экономики. — Режим доступа: <https://www.hse.ru/news/communication/13156637.html>. — Дата доступа: 21.11.2016.
9. *Леви-Стросс, К.* Структурная антропология / К. Леви-Стросс. — М. : Гл. ред. вост. лит., 1985. — 536 с.
Levi-Strauss, C. Structural anthropology / K. Levi-Strauss. — М. : Main ed. of eastern lit., 1985. — 536 p.

Статья поступила в редакцию 09.12.2016 г.